

Рассмотрено несколько исторических, актуальных и возможных форм мыслимости географической линии Запад – Восток. Утверждается, что формирование будущего зависит от избранного способа объектного воображения; предложено перспективное видение будущего связи Запада и Востока. Ключевые слова. Запад; Восток; регионы; геолиния; формы мыслимости линии; метафоры и образы в управлении развитием. / The article observes several historical, present-day and possible forms of the idea of the geographical west-east line. It is stated that formation of the future depends on the chosen way of objective imagination. The long-term vision of the future connection between West and East is proposed. Keywords: West; East; regions; geoline; forms of the idea of the line; metaphors and images in development management.

< Transsib-express–1903

Запад – Восток: воображение линии / West East: Imagining the Line

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Для Запада нет Востока, как для Востока нет Запада, пока они не видят друг друга и не находят необходимой процедуру сопоставления. Равно в этой ситуации нет и самих Запада с Востоком: соответствующие локальности не позиционируют себя на карте как расположенные относительно друг друга, как пребывающие в каких-либо отношениях. В данном случае относительность – ключевое слово.

Стать кому-то Западом (или Востоком) – значит начать мыслить себя на геолинии, обладающей высшей реальностью, по сравнению с традиционными ценностями естественной локации, Места. А для этого надо быть уже стронутым с места, уже пуститься в путь (В. Маяковский: «Эй, губернии, снимайтесь с якорей!»), начать видеть пределы и границы. С великими географическими открытиями именно так и случается, равно как и со всей эпохой Нового времени. В это время Место вдруг стало обузой, в нем стало тесно и скучно (хотя и не без показательных исключений – отказ от путешествий у И. Канта), но для того лишь (как начинаем понимать мы сегодня), чтобы было к чему вернуться.

Два пути избежать места

Отчего в истории культур – и связанных с ними архитектур, разумеется, – способов отказаться от вызовов Места, обойти его, остранить и отстраниться гораздо больше, чем внятных способов организации уникального Места и поддержания его уникальности? Нам представляется сегодня, что последнее гораздо важнее: мы пытаемся восстановить техники и приемы, которые обеспечивают индивидуацию и идентичность, обращаемся в поисках их в «архивы» истории, но... оказывается, «архивы» – как Запада, так и Востока – хранят совсем иное.

Начнем с Запада. Как только новоевропейская мысль пробилась себе дорогу, взошла звезда Утопии. Она, впрочем, не была сверхновой; ее предтечи есть у Платона, и, тем самым, можно предполагать ее имманентность западному мышлению в целом. Утопия изгоняла Идеал как предельную конфигурацию воображения и форму дискурса о ней. Дискурс Утопии лукав и неоднозначен, он не указывает ни на место, ни на время осуществления описываемого в ней желаемого, но отсылает нас к мирам несуществования, на этот раз не вознесенным на небеса,

аки Град Небесный, но расположенным где-то (хотя и неизвестно где!) в географической дали. Тем самым воображение вытягивается в струнку, алкает дали как источника смысла; устремляется за горизонт и устремляется за собой тела, корабли и караваны. Для Запада открыта Иное, и это Иное – Восток, независимо от того, в которую из сторон света ты отправишься в поисках его: вспомним парадокс Колумба.

Но Утопия остается У – топией, т. е. безместностью, отрицанием и преодолением Места. К основному смыслу слова, маркирующему безадресность отсылку утопических грез, можно смело добавить и разрушительный эффект утопического воображения в отношении места отправления, которое, по меньшей мере, девальвируется. Акцент на нем теперь – лишь как на точке опоры для прыжка. А Место, напомним, на многих языках есть Город. Из него, Места, стремятся уйти в миры лучшие, расположенные в принципиально доступной геометрии: воображение такой геометрии, схватывающей в абстракциях мерность Земли и обеспечивающей навигацию смысла и цели, интенций и алчности, становится решающим фактором эволюции. Мир становится городом, но собственно городская культура претерпевает очередную трансформацию: она живет ожиданием, ее самооправдания оказываются вынесены далеко вовне, удалены, не вполне самостоятельны; автономия Города начинает сдавать позиции.

Но и на Востоке не все так просто с Местом. Пусть сегодня восточное «чувство места» стало культом и, разумеется, брендом, но так ли это на самом деле? Не доминирует ли в легкости принятия такого бренда наше чувство вины за угробленные места и вмененная воспитанием вера в живучесть восточных традиций? Ведь Место на Востоке никогда не было особенной ценностью. Номады ценили ресурсы и их, по определению, лабильную локацию. Сады, в том числе сады камней в Японии, суть не способ индивидуации этого-вот места, но имитации места иного, запредельного и... столь же не имеющего внятного и верифицируемого адреса, как и отправления западной Утопии. Восток равнодушен к Dasein. Восток живет во многих мирах и многими жизнями, Дазайн – не его демон. Лучше всего это видно на примере Дао.

Дао – путь, но не пыль караванных дорог и не уют мест отдохновения (хотя и все это тоже). Путь дао не прорисовывается с необходимостью на поверхности Земли. Маршруты дао пролегают не столько по земному лику, сколько в мирах значений и смыслов, морального выбора и воли; города и страны остаются обстоятельствами места, приводящими и случайными факторами подлинного движения. И концентрация внимания на здесь–бытии своего дао отнюдь не приводит к феномену Места, хотя и порождает – как-то косвенно, поневоле – культуру земледелия, ландшафтный дизайн или благоустройство восточных земель. На полученных таким путем территориях сквозят ветра иных миров, ноет под ложечкой и зовет вдале «щемящее чувство дороги»...

Впрочем, Запад ведь также прокладывал траектории своей эволюции не только и даже не столько по ландшафтам, оставляя на них военные лагеря и городки-каструмы, сколько по топике интенсивно осваиваемого мышления. Начиная с Парменида и Гераклита западная мысль предпочитала видеть пути («пути изысканья»), но не места – локусы предуготовленного смысла. Последние – сменяемы, это узлы, которые завязываются и развязываются; первичен путь – Годос. Но годос, предвестник новоевропейского «методоса», – не маршрут; по нему не маршируют легионы. Это полное риска предприятие, на которое решается – или нет – вступающий на дорогу. И это вопрос о технике или методе мышления, о навигации в реальности, гораздо более опасной и плотной, нежели евразийские пейзажи. Декарт в ноябре 1619 г., возвращаясь с коронации германского императора, в дорожном уединении провинциального отеля вступил на такой путь – дороги разошлись и, кажется, навсегда. Декарт, молодой повеса-офицер, названный М. Мамардашвили Д'Артаньяном западной мысли, в написанном по наитию посреди дороги «Рассуждении о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» провозглашает параллелизм бытия и мышления. Движение по топике смыслов отныне не соотносимо с перемещением тулова в пространствах брэнной географии.

Запад через **метод** ушел от Мест, вышел из них, избежал их вызова, начав мыслить и позиционировать

себя глобально. В результате у Запада сегодня серьезные проблемы с территориальной локализацией мысли, понимания, чувства: все это неплохо схематизируется в пространстве универсальной топике, но не в географических координатах. Универсализм выбил Запад **из колеи**.

Так что в стремлении выйти из мест, в отрицании мест, Запад и Восток стоят друг друга. Их встреча была предрешена.

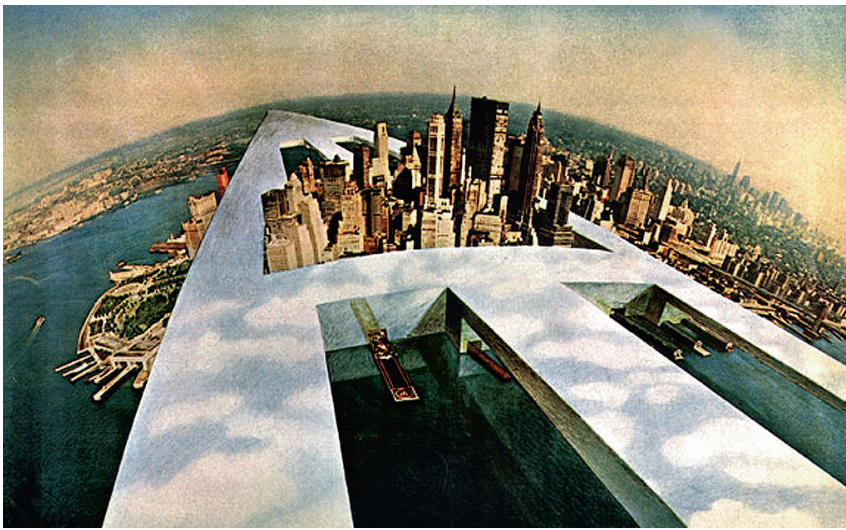
Вертикаль, горизонталь и возвращение к месту

Воображение горизонтального линейного **дления** как чего-то ценностно значимого вступает в силу тогда, когда исчерпываются, блокируются или теряют монополию вертикальные интенции. До этого момента рефлексия (которую теперь можно назвать рефлексией горизонтализма) едва ли не равнодушна к отдаленным географическим мирам; она не видит и не ищет в них источников объяснения себя, не предполагает там наличия какого-либо замыкания или даже простой разрядки собственных горизонталистических фрустраций. Ведь веками трансцензус имел исключительно вертикалистский формат; даже путешествия протекали по вертикали: М. М. Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» пишет о полном отсутствии горизонтального движения в Средние века! Рабле, утверждает Бахтин, разрушает своим смехом именно эту картину мира, иронично открывая дали «исторического развития человечества» (в письме Гаргантюа Пантагрюэлю); и это не более, чем саркастическая шутка.

Но когда такая рефлексия появляется, когда она схватывает Место (о времени разговор особый), она сразу же пересматривает структуру трансценденций, поляризует ее. И, тем самым, меняет способы и доступные (предполагаемые) формы (горизонты) самоопределения для всего, оказавшегося на линии.

Рефлексия линии и позиций на ней появляется, прежде всего, при принятии во внимание полюсов, причем в качестве равноправных, равновеликих, равновесных. Но между полюсами расположено множество точек – узлов на линии. С ними проблема; и это главная проблема – проблема реальности. Ведь «полюса» могут позволить себе оставаться виртуальными или номинальными сущностями; это конвенции географического воображения,

^ Пейтингерова таблица. Сводная карта дорог, проложенных через Римскую империю. Оригинал I в. до н. э. – V в. н. э.; копия XIII в. [Электронный ресурс] ru.wikipedia.org; yandex.ru/images

^ Superstudio. Тотальный город

^ Smart Linear City, проект для Индии

наполняемые содержанием по мере необходимости и образования. А реальные узлы – города и регионы человеческого обитания, обитания многовекового.

Это проблема, но она позитивная – это проблема граничности.

В попытке преодолеть картезианский дуализм когнитивные географы (первые среди них – А. Е. Левинтов и В. Л. Каганский) ищут смыслы в ландшафтах, поскольку последние принадлежат не столько природе, сколько нашему воображаемому. Они утверждают, что приграничность – обязательное качество полноценного города; оно мобилизует противостояние негороду или другим городам, противостояние, в котором обретается идентичность и собственный путь. Автономия и граница долго были атрибутами обороны, смыслами возведения крепостей и стен (вроде Великой китайской). Сегодня автономия, предполагая рефлексивность пограничности, скорее связывает, чем разъединяет, создавая «разность потенциалов» между местами и обеспечивая движение (людей, идей, товаров, денег...).

Граница – еще одна воображаемая линия нашего вокабулярия, еще один концепт, имеющий геометрическую родословную.

Кстати сказать, геометрию и Запад, и Восток любят примерно в равной степени, хотя и очень по-разному. Для Запада она – носитель высшего порядка и эйдетической Формы, для Востока – способ организации случайного по месту; для Запада – присутствие божественного, для Востока – расчистка пространства для человека. При этом онтологическое значение за абстракциями геометрии скорее склонен видеть Запад; для Востока же они остаются в горизонте средствиальности *par excellence*. Но это «онтологическое» Запада не дорогого стоит: от него легко можно отказаться в пользу культа Хаоса, иррациональности или трансгрессии – чего угодно. Средствиальность же симметрических геометрических построений Востока имеет экзистенциальный вес, от нее не отмахнешься, не забудешь в угаре погони за новым модным трендом. Но сам тренд вполне способен к мимикрии, тем более, что и в решительности геометрических абстракций, и во внедрении их «в жизнь» Запад преуспел.

Последнее обстоятельство открыло на известном этапе для Запада возможность еще одной идейно-технологической экспансии: экспорта способов «освоения пространства» и воплощающего их дизайна, неуклонно ведшего к деградации восточных традиций архитектуры. И вот сегодня бумеранг вернулся. Можно констатировать: возвращение к Архитектуре становится новой проблемой и грезой Запада.

В итоге культивирование мест сегодня – одна из возможных и, кажется, наиболее перспективных стратегий (а перспектива, обратим внимание, – еще одна линейная западная греза, подчеркнуто прогрессистская и векторная). Для Запада это – возрождение (новая западная тема – возвращение к Архитектуре, к идентичности). Для Востока – очередной повод для медитаций.

ЗАПАД	ВОСТОК
Культура	Традиция
Дизайн, Технология, Знание	Умение и Мастерство
Метод	Дао
Иное Место, трансцендирование	Иное Места, медитация
Прогресс (разрывность линии)	Преимственность (непрерывность линии)
Формализация	Осмысление

Формы воображения линии

Коль скоро мы взялись говорить о неких воображаемых фигурах, нам потребуется что-то вроде их типологии. Итак, к формам воображения линии, осмысленным в обсуждаемом здесь контексте, можно отнести следующие:

- **траектория** – осуществление предзаданного импульса, перенос из места наличия в аморфную область отсутствия – классический прогрессистский тип линейной грезы (его вариации – вектор и перспектива);
- **вектор** – трансляция, неравноправие адресанта и адресата, маршрут экспансии, наличие явной интенции направления;

^ Римские дороги – пути экспансии

^ Строительство магистрали «Сила Сибири»

– **стрела** – интенсификация вектора и открыто выраженной агрессия;

– **ось** – намерение переворота (оборачивания?) окружающего ее мира: «ось зла», например;

– **лея** – след предначертанный; задает движение, но не ясно, в какую сторону и непонятно, зачем. Апологеты и сегодня не устают находить леи на снимках Google – некоторые из них впечатляют, но остаются бесплодными;

– **отрезок** – как правило, выражает равнодушие к тому, что расположено между крайними точками. Но он может быть красив, как, например, мост (что делает метафору моста одной из привлекательных);

– **путь** (тракт, магистраль) – дорога «туда и обратно», локализация равновесных полюсов (ареалов или регионов), путь торговли и обменов, дорога пилигримов;

– **направление** (как в России без него!) – посыл куда-либо, в т. ч. царский – таковы первые героические экспедиции в неизведанные земли; интенциональность движения, у которого может и не быть ясной цели (культ дороги у битников и эскапизм хиппи).

С точки зрения нашей – наверняка неполной – типологии, некоторые расхожие метафоры представляются бессодержательными, а то и вводящими в заблуждение. Так, сомнительным выглядит «Евразийский коридор» (как реинкарнация Шелкового пути), поскольку коридор (подобно каналу или тоннелю) предполагает плотность тела, в котором он «пробивается»; тогда как тут речь идет о точках концентрации деятельности и жизни, расположенных часто в весьма безлюдных и пустынных пространствах и соединяемых вместе лишь проходящим сквозь них транзитом. Есть и скрытая опасность таких метафор: по Ж. Бодрийяру, пробивка чего-то с игнорированием всего иного, как и всякая концентрация внимания на «вырезанной» из целого части, неизбежно ведет к деградации оставленного в небрежении целого.

Впрочем, есть еще один тип транслятивной линии – **Труба**.

Придает ли линия, как бы она ни мыслилась, линейность воображаемым ландшафтам, когда включает их в свой ареал? Линия Запад – Восток преодолевает границы, но это – старые границы ремесел, местных укладов,

оседлости. Линейные следы, разумеется, сохраняются: таковы генпланы городов и поселков, выстроенных вдоль пути. Но эти отпечатки вымерших ископаемых, их натурализм, сколь бы ни был он привлекателен для архитектурно-урбанистического воображения, не должен вводить в заблуждение. В Москве, в метро, недавно появилась реклама нового жилого комплекса: «Следующая остановка: башни «Токио». Шесть космополитических башен, нелепая «Большая волна в Канагаве» на их фасадах и сам слоган – пример воображения, захлестнутого цунами тождественности, вытягивающего ландшафты в линию, пример порочности грезы маршрутом, неизбежно убивающим Места.

Номадизм Востока относится к ландшафтам не как к локусам, но как к траекториям, хотя и свободным от внятной идеологической компоненты, от тенденциозности «оси». Это номадическое понимание, будучи транслировано на Запад, привело к тому, что Запад оказался охвачен модой на все виды номадизма. В обратном направлении, с Запада на Восток, шел экспорт революций и технологий (не одно ли это и то же?!). И пейзажи оси все более теряли локальность, тем самым становясь все более ланд – шафтами, т. е. общими землями, тем, что уже не разделяет Восток и Запад, но инертно приемлет их деловитое слияние. Мы наблюдаем сегодня не столько плодотворное взаимопроникновение культур, сколько их непрекращающиеся разборки и выяснение отношений, часто похожих на месть за давние и недавние обиды.

Пейзажи – это все еще разные по природе образы. Но ландшафты геополитического хозяйствования выравниваются стремительно. И это создает как новые проблемы, так и новые возможности. Создание различий, напряжений, контрастности и даже конфликтности становится содержанием новых региональных (т. е., собственно, образующих регионы) стратегий местных элит. В таких стратегиях они надеются обрести идентичность, нащупать ее твердое и шершавое тело, ядро. Границы стираются, но сила ядер растет, и их эманации создают новую реальность – поле или сеть. Импульсы проходят все быстрее, но и индивидуация становится все более востребованной...

^ Сад камней в Киото

^ Храм Неба в Пекине

Пульсирующая сеть

Один из базовых идефиксов современного воображения по теме «Запад – Восток» – возможность создания **«линейного города»** или его аналогов. В самом деле, отчего бы не объединить разрозненные поселения, защитить коммуникации, эффективно противостоять экстремальным природным, а возможно, и техногенным факторам? Но «линейный город» – не реалистичная и очень не городская идея, ибо, лишаясь разрывов, поселение лишается и опространствления (Espacement Жака Деррида), а вместе с ним и возможности рефлексии собственной самости, своих различий «тут» и «там», что делает невозможным бытие города как социальной, культурной и социокультурной действительности, оставляя ему лишь существование строительного массива. Пространственно-временной континуум города требует дискретности, такта, дыхания, отчетливой событийности в прохождении новаций и даже известной локации их источника (что хорошо осознано в технологии брендинга – еще одной стратегии сегодняшнего преодоления проклятия картезианского параллелизма).

Идея «линейного города», однако, позволяет предположить реалистичность другой схемы. Она напоминает **гирлянду** или **конstellацию** городов и регионов, объединенных высокоскоростными коммуникациями, по которым не просто транслируется что-то (информация, идеи, технологии, люди, товары...) из пункта А в пункт В, да еще и при условии расположения этих пунктов по краям линии, но сама линия, не имея краев, являет собою совокупность «пунктов», «точек» генерации и потребления нового содержания.

В наше время линия Запад–Восток становится содружеством полноценных и самодостаточных узлов, каждый из которых намного превосходит функции пресловутого транспортного и иного «хаба» (hub). Поэтому можно предполагать, что в недалеком будущем она станет своеобразным «линейным пульсаром» культурного содержания, поддерживающим напряжение и высокий уровень генерации идей благодаря растущим мощи и близости образующих компонентов, станет энергетическим линейным плазмодом... Это **цепь** или, скорее, **сеть** (линия

становится полосой, все более широкой), в которой уже нет иерархии, нет векторных влияний, но есть синергия и перманентные резонансы.

Идея подобного коллективного «пульсара» заново ставит вопросы позиционирования городов и регионов не по степени наличия «западности/восточности», не по составу имеющегося природного и антропогенного наследия, но по живым интенциям и по тому, что с ними сегодня (и завтра) можно делать (в том числе и со всем составом имеющегося наследия и всех вообще мыслимых ресурсов).

Здесь мы уже сталкиваемся с фигурами не столько геометрического воображения, сколько с феноменами мира содержания – сгустками смысла, форматами мысли, мощностью порождаемых импульсов. Куда направлен сдвиг, чего в нем больше, какова идентичность по содержанию и каковы формы ее конституирования, насколько созрело самоопределение... Линия Запад–Восток похожа здесь на шкалу настройки тюнера, улавливающего соответствующие эманации. Метафора «шкалы настройки» представляется весьма плодотворной формой мыслимости линии: она позволяет зафиксировать растущее значение множества центров – Мест, перестоящих быть простыми и пустыми транзитерами и все более становящимися генераторами уникальных импульсов, дискретная непрерывность которых создает новую эпоху связи Запада и Востока.

Итак, линия наша была и «осью зла», и леей, и маршрутом экспансий (военных, идейных, технологических), и, разумеется, торговым путем... Чем она никогда не была – так это простым и пустым прогоном между некими условными географическими абстракциями Запада и Востока. От самодостаточных локальностей традиции, находящихся свою идентичность в покое и автономии, в относительной изоляции – через форсированную динамику обменов и экспансий, угрожающих всякой идентичности, – мы, преодолевая ложные формы воображения геологии, можем прийти к яркой цепи (сети) самобытных «узлов», обеспечивающих непрерывность воспроизводства жизни, мышления, знания, творчества.